

Приложение 2 (к материалам В. И. Орлова)

Материалы из архива РГАЛИ

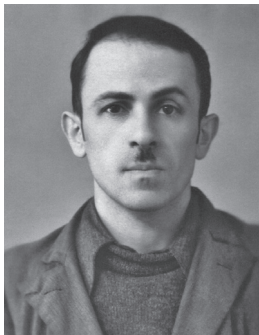
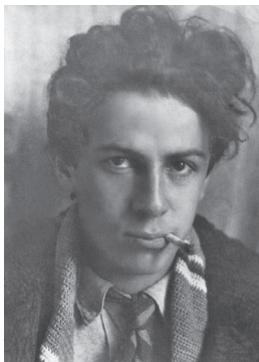

Фото В. Айзенштадта

*Рецензия на рукопись сборника стихов «И день и вечер»
Вениамина Айзенштадта*

Знакомство с рукописью оставляет тяжелое впечатление. Игривое отношение к слову, демонстративная инфантильность, отсутствие жгучих проблем современности — все это не могло привести к осязаемым творческим результатам. Особую неприязнь вызывает толкование творческих и человеческих судеб классиков русской литературы — Пушкина, Лермонтова, Гоголя, когда автор с беззаботностью недоросля пытается «исправить» биографии великих мастеров. Эти темы ему явно не по плечу — из детской песочницы не построить космического корабля.

Но даже в стихах, посвященных близким людям, автор впадает в анекдотические несуразности.

Возьмем, к примеру, раздел «Мать». Что может быть святее человека, подарившего нам жизнь? Тут требуются самые трепетные, самые сердечные краски. Но вот мы читаем:

Я мёртвых за разлуку не корю
И на кладбище не дрожу от страха, —
Но матери я тихо говорю,
Что снова в дырах нижняя рубаха.

И мать встаёт из гроба на часок,
Берёт с собой иголку и моток,
И забывает горестные даты,
И отрывает савана кусок
На старые домашние заплаты.

Совершенно очевидно, что кошунственнее этой дребедени придумать ничего невозможно.

Но этим изобретательность автора не кончается. Он способен и на подобные утверждения:

Сердце матери, словно плошка
Что кормила-поила всякого:
Молоко в ней лакала кошка,
Харчевался и я с собакою.

Словно чувствуя, что дальше унижить образ матери невозможно, автор пытается своеобразно его «возвысить»:

Чудотворной иконой храма
Ты себя по земле пронесла

или:

Никому ничего не сказала,
Словно с ангелом был договор.

и еще почище:

И вдруг я слышу гром широкий и нездешний...
Как будто страшный суд нам посылает зов, —
То мать моя в гробу рыдает безутешно —
как мало я и ей сказал хороших слов...

Откуда эта церковная галиматья на исходе двадцатого столетья? Разве не ясно, что возрождение религиозных догм и представлений под любым предлогом есть занятие безнравственное?

В этом же разделе автор рисует себя кем-то вроде викинга:

...все загудело вокруг
 Стало морскою ватагою, хлопать пошло парусами,
И снарядила душа свой стремительный струт (?)!
И снарядила ватагу на поиски мамы...

Сам я в кольчуге стою на корме как герой,
 Водное лоно — оно мне измлада знакомо...
 Мама не близко — она за волшебной горой
 И стерегут ее острые жадные зубы дракона.

Смерть безобразная, будь хоть о ста головах,
 Меч мой разрубит твою неусыпную ярость.
 Ибо неведом воителю-отроку страх,
 Ветром победы его наполняется парус.

Нет! Утрату близкого человека нельзя выразить такими велеречивыми словами.
 Тут нет ни грана искреннего человеческого чувства.

Сходными красками живописует он и кровного родителя в следующем разделе — «Отец»:

Уходит отец безвозвратно и грубо (?)!
 В загробную даль потому (?)!
 что даже тарелки больничного супа
 не дали на ужин ему. (?)!

с какою надеждою, тихо отчаясь (?)!
 Смотрел он, на койке привстав,
 на смутный стакан полусладкого чая
 и крохотный черный сухарь. (?)!

«Ты ел ли, сыночек?» — спросил он устало
 и благостно, точно он царь... (?)!

Откуда это стремление к витиеватости? Где в наших больницах умирают от голода?

Отдел, которым открывается сборник — «Детство» — изобилует похожими красотами. Если поверить автору на слово, то мир современного ребенка ограничивается коробкой двора, а все многоцветие мира сводится к мыльному пузырю. Послушаем:

И мир, доверчивый к ребенку,
 Дарил ему свои азы —
 И наполнял отвагой звонкой,
 Как мыльный радостный пузырь.

или:

Все события — не дальше двора
 И мелькают задорные (?) икры,

Я встречу Есенина без славословия,
Увижу — идет раскудрявый бродяга, (?)!
И я одного с ним худого сословия, (?)!
 Все та же беспечность бродяжьего шага...

Разве укладывается Сергей Александрович — великий русский поэт и человек трагической судьбы — в эту убогую мещанскую схему? И какую нужно иметь наглость, чтобы сравнивать свои безграмотные стишата с бессмертными творениями гения?

Одна из величайших утрат русского народа — подлое убийство Михаила Юрьевича Лермонтова — изображено едва ли не с танцующим легкомыслием:

Не выходи, Мишель, тебя убьют,
 Душа ему твердила на рассвете,
Но был беспечен Лермонтов, как дети, (?)!
Когда они от радости поют. (?)! (81)

Не человеку с таким примитивным кругозором братья за темы, которые под силу мастерам, приближающимся к ним по таланту. Достаточно сказать, что одно из своих стихотворений автор назвал... «Анекдоты о Пушкине» (72).

Не хватит ли примеров?

Несколько сносных — относительно! — строк, отмеченных на полях рукописи знаком плюс, не меняют положения. Автор продемонстрировал полную творческую несостоятельность. И об издании его рукописи не может быть и речи.

25 июня 1987 г. Степан Гаврусев

*Письмо Вениамина Айзеништадта
 в редакцию издательства «Мастацкая літаратура»*

Уважаемый Вадим Брониславович!¹

Я адресую Вам письмо, как заведующему отделом поэзии редакции «Мастацкая літаратура».

После прочтения рецензии С. Гаврусева на мой рукописный сборник «И день и вечер» я счел нужным ознакомить Вас с моими возражениями.

В оскорбительной по тону рецензии С. Гаврусевым цитируются мои стихотворения. Первым в криминальном списке идет стихотворение

Я мёртвых за разлуку не корю
 И на кладбище не дрожу от страха, —
 Но матери я тихо говорю,
 Что снова в дырах нижняя рубаша.

---

¹ Вадим Брониславович Спринчан (1950 г. р.) — русскоязычный белорусский поэт, заведовал редакцией отдела поэзии издательства «Мастацкая літаратура» с 1982 г. *Примеч.* составителя. Далее — *примечания В. И. Орлова, если не указано иное.*

И мать встаёт из гроба на часок,
Берёт с собой иголку и моток,
И забывает горестные даты,
И отрывает савана кусок
На старые домашние заплаты.

Резюме рецензии: «Совершенно очевидно, что кошунственнее этой дребедени придумать ничего невозможно». Однако именно это стихотворение отобрала редколлегия московского альманаха «День поэзии» (1982) для первого знакомства доселе неизвестного автора со всесоюзным читателем. Однако, именно это стихотворение известный поэт А. Межиров считает совершенством (частная переписка). Именно это стихотворение поэт Н. Кислик называет творением поэта истинного и мастерового (рецензия). И, наконец, оно остановило внимание критика Ф. Медведева, давшего ему высокую оценку в критическом обзоре «Дня поэзии» (журнал «Огонек», 1983, №5).

Далее рецензент цитирует следующую строфу, из стихотворения, посвященного матери:

И вдруг я слышу гром широкий и нездешний...
Как будто страшный суд нам посылает зов, —
То мать моя в гробу рыдает безутешно —
как мало я и ей сказал хороших слов...

Предпослав цитате злопыхательский возглас: «Еще почище!», рецензент гневно вопрошает: «Откуда эта церковная галиматья на исходе двадцатого столетья?».

Хотелось бы спросить рецензента, не ясно ли, что выражение страшный суд давно ушло от церковно-религиозной сути, приобрело форму житейскую, бытовую? Не говорим ли мы «пойду на страшный суд», когда нам предстоит тяжкое объяснение, когда нас томит неуспокоенная совесть, тяготит чувство вины?.. И, наконец, разве мать — живая или мертвая — не есть наш страшный суд, наша последняя судебная инстанция, перед которой все мы всегда виноваты? Именно об этом («Все мы виноваты перед матерями») писал автору Виктор Борисович Шкловский, который, в отличие от рецензента, считал его настоящим поэтом и «записал в свое сердце». Но рецензенту достаточно одной лишь злосчастной цитаты, чтобы обвинить автора... в безнравственности.

Дальше — больше. «В этом же разделе автор рисует себя кем-то вроде викинга» — недоброжелательно сообщает рецензент, цитируя последующее стихотворение. Но почему бы лирическому герою стихотворения, мальчику-отроку, решившему освободить умершую мать из царства мертвых, не вообразить себя бесстрашным викингом, снарядившем «ватагу на поиски мамы». Неужели поэту должно быть совершенно отказано в праве фантазии? К тому же в последней строфе стихотворения автор помещает сюжет в сновидение.

Из сюжета стихотворения о больном отце, спрашивающем сына, ужинал ли он сегодня («Ты ел ли?») рецензент извлекает свой вывод: он обвиняет автора в искажении правды... о системе питания в больницах. Вот уж воистину: «В огоро-

де бузина, а в Киеве дядька» Автор писал только о родительском милосердии. Невнимание к отцу в больнице — фон трагедии. А о том, что в больницах у нас не все благополучно, говорят и газетные публикации и недавнее решение ЦК КПСС.

«Изображает себя стариком» — пишет далее рецензент. И действительно, какое право имеет автор быть стариком, если ему исполнилось 65 лет, а рецензент именуется недорослем?

Одно из стихотворений автора имеет несчастье начаться словами

Душа моя, душа! —
медведицей ли шалой
 Бредешь, леса круша?

«Я глубоко убежден, что подобные благоглупости сочиняются, когда человеку нечего сказать действительно существенного». Это все, что непрекращаемо изрек рецензент. Но у меня есть и другие свидетельства: отзыв видного поэта, где этот образ слияния поэта с миром вызывает восхищение.

Особенный гнев вызывают у рецензента стихи, обращенные к великим предтечам. Автор-де беззастенчиво фамильярничает и пытается «исправить» биографии великих писателей. Речь идет, по-видимому, о стихотворении «Гоголь». А между тем сюжет стихотворения имеет историко-биографическую канву, и рецензенту следовало бы знать об этом. Непонятно, почему рецензент считает, что, назвав одно из стихотворений пушкинского цикла «Анекдоты о Пушкине», автор крайне беззастенчив. А. М. Горький писал, что любовь народа к Пушкину была настолько велика, что он сделал его героем многочисленных — иногда вольных — анекдотов. В анекдотах образ Пушкина вызывает восхищение, это любовь, а не панибратство.

Обрушивается на автора рецензент и за стихотворение о Есенине. Как смел он сравнивать свои «безграмотные стишата» со стихами великого поэта? Но кто же их сравнивает? В стихотворении нет об этом ни единого слова. (Кстати, где в стихах автора безграмотность?) А если автор пишет, что у него с Есениным одна и та же «беспечность бродячего шага», то где же тут неуважение?.. Писал же Багрицкий: «Я с Пушкиным шатался по окопам...» Да и сам Есенин обращался к Пушкину: «О Александр, ты был повесой...» Или — что позволено Юпитеру, не позволено быку?

Вызывает также сомнение замечание рецензента о том, что автор ограничил детство «коробкой двора». Неужели «коробка двора» только ограниченное географическое пространство? Неужели детская фантазия, детские игры, многообразие познания ребенком мира не раздвигают «коробку двора» до размеров поистине необъятных? Неужели ребенок смотрит на мыльный пузырь только как на хитрое изделие своих рук, а не как на многоцветный прообраз его выхода в жизнь, его полета?

Автор убежден, что нет в мире большего психологического пространства, чем коробка двора с детскими играми!.. Но для рецензента важно доказать, что у автора «примитивный кругозор».

Автор полагает, что привел достаточно примеров «критического» красноречия рецензента С. Гаврусева. Воистину, что ни абзац, то ком грязи. Как тут не вспомнить

афоризм Козьмы Пруткова: «Вакса чернит с пользой, а злой человек — с удовольствием».

Хочу в заключение добавить, что слишком много у меня писем-свидетельств самых видных советских поэтов разных поколений (от Сельвинского и Антокольского до Смирнова и Кушнера), писем, где говорится о моем несомненном поэтическом даровании, чтобы я мог поверить клеветническим выпадам рецензента. Цель их одна — оставить меня за пределами литературы. Неблаговидная цель.

В силу различных житейских обстоятельств судьба моя как поэта сложилась тяжело и неблагоприятно. Тем более нужны мне понимание и поддержка.

С уважением, Вениамин Айзенштадт.

Письма

1. Григорий Корин — Вениамину Айзенштадту, 6 июля 1980 (по шт.).

Дорогой Вениамин Михайлович!

Арсений Александрович Тарковский — поклонник Вашей поэзии, заразил и меня Вашими стихами. ...

Порой от переизбытка чувства Вы переходите границы стихотворения, перестаете замечать его законы (меняете ударение в слове, позволяете себе условную рифму или неоднократно рифмуете «убого-бога»), одним словом, забываете о формальной стороне творчества. Я думаю, что те небольшие огрехи, которые встречаются в Ваших превосходных стихах, легко устранимы.

2. Наум Кислик² — Вениамину Айзенштадту, 1 августа 1980.

Уважаемый В. М. Айзенштадт!

Простите за столь неловкое обращение — имени-отчества Вашего не знаю.

А узнал я о Вас из письма А. Межирова, которого, в свою очередь, познакомил с Вашими стихами А. Тарковский. Межиров чрезвычайно заинтересован Вашими стихами и просил меня с Вами как-то связаться. Судя по одному стихотворению, приведенному им в письме, интерес этот вполне оправдан. Такие стихи пропасть не должны.

3*³. Вениамин Айзенштадт — Григорию Корину, 27 августа 1980.

Я пишу Вам в смутное для меня время, когда со мною перестали переписываться А. Тарковский и А. Кушнер. (Если и Вы так поступите, то объясните хотя бы причину.)

Молчание поэтов казнит меня — всю вину я возлагаю на себя.

Видимо, «какая-то в державе датской (моей державе) гниль». Если бы мои адреса знали, что значат для меня их письма — и что значит наступившее молчание!..

---

² Наум Зиновьевич Кислик (1925–1998), белорусский поэт.

³ Письма, помеченные звездочкой, впервые (в более полном виде) опубликованы Еленой Макаровой в журнале «Дружба Народов» № 1, 2017.

...Я всегда был убежден, что в моих стихах со стороны формы что-то неблагополучно. Рад бы их править, да не знаю, с какой стороны взяться. Со школьной скамьи помню, что «Онегин» написан ямбом, — вот и все мои познания в области стихотворной техники.

Ни дружеского круга, ни редакторов у меня никогда не было.

4. Николай Панченко — Вениамину Айзенштадту, 27 ноября 1981.

Ваше письмо⁴ не застало меня в Москве, почему и отвечаю на него не сразу. Но, поверьте мне, — сразу же, как прочел. Стихи Ваши — чудо. Как и должны быть истинные стихи. Это подарок великий, хотя и не всякому по плечу. Да и не может быть всякому. Пока это так. А Вы не в «пока» живете, вы высовываетесь из него во все стороны. Мир ваш больше (в несколько раз) общепринятого, того, в котором наивный рассудок пытается спастись от бездны. И радостно за Вас и страшно. А как же еще? Разве должно быть иначе? В таком серьезном случае, как Ваш, иначе не бывает.

Спасибо Вам за Вашу жизнь, за труд этой жизни. И простите всех, кто не смог — и вряд ли сможет — помочь Вам здесь в должной мере. Кому, кроме Вас, эта мера по силам?

Книгу Вашу, однако, надеюсь увидеть изданной в Москве. И ваши друзья надеются (они у Вас есть). Пишите!

5. Вениамин Айзенштадт — Николаю Панченко, 5 декабря 1981.

Я так долго ждал от Вас ответа, что пал духом. И по недомыслию убрал куда-то список посланных Вам стихотворений.

Обида постаралась забыть, куда я его сунул. Поэтому возможно в новом своде стихов повторяются посланные Вам ранее. Стихов у меня — океан-море, но я ведь выбираю лучшие из лучших. Впрочем, все станет на место, если Вы пришлете мне оглавление первой посылки.

Наконец-то Вы мне ответили и я благодарен Вам за внимание и высокую оценку. Я всякий раз теряюсь после написания той или иной вещи, как певец на безлюдье, где отклик — только эхо одиночества.

Мне шестьдесят лет, но я остался где-то в детстве, остался навсегда, и всю дорогу бреду за собою — Вечным мальчиком.

Стучусь в окно — как ветер зимний,
но я не ветер — я не ветер;
Еще не выдуманно имя
Мне, неприютному на свете.
Хозяин дверь приоткрывает
И гонит мальчика-бродягу,
И на меня собака лает,
Как на бездомную собаку.

---

⁴Первое письмо Айзенштадта Николаю Панченко (написанное, как можно предположить, после визита в Минск Григория Корина и по его совету) нами в РГАЛИ не обнаружено.

«Спасите гибнущего, ради
Христа...» — Иди, иди, работай... —
И снова душу лихорадит
Какой-то смертной заботой,
И снова вечер беспризорен
И путь в сугробах затерялся...
В гнезде хозяйничает ворон,
А я без гнездышка остался.

Пропой мне, ветер, ночью песню,
Что я не ветер — я не ветер,
Что я — соринка с чьих-то лестниц,
И эхо — эхо о поэте,
Бредущем в ад по непогоде...
Что я дыханьем грею звезды —
И тихой жалобой восходит
Седой обиженности воздух. 1944 г.

...Мои стихи знакомы в Москве А. А. Тарковскому и А. П. Межирову, в Ленинграде — А. С. Кушнеру.

Постоянно со мной переписывается и даже приехал ко мне Г. А. Корин — поэт, любимый мною, и человек доброты необыкновенной. Г. А. был всего лишь три дня; после его отъезда стало еще горше от одиночества... Письма — единственный мой выход к людям. Пишите мне, словно размышляете вслух, словно Вы хотели мне что-то сказать — о себе, обо мне, о поэзии, — для меня все значительно.

6. Григорий Корин — Вениамину Айзенштадту, 6 декабря 1981.

Стихи Ваши показывал Евушенко и Панченко на предмет публикации. Евушенко, как член редколлегии «Дня поэзии»-82, отобрал несколько стихотворений, но удастся ли их опубликовать? ... Николай Панченко, когда я сдам Вашу рукопись в «Советский писатель», а это будет в январе-феврале будущего года, возьмет ее на внутреннюю рецензию, это уже какая-то фора.

Я получил письмо от Н. Кислика. Ему удалось отклонить вторую отрицательную рецензию на Вашу рукопись, но от этого Ваше положение кардинально не изменилось.

7*. Вениамин Айзенштадт — Григорию Корину, 15 декабря 1981.

Я не слишком верю, что для меня что-то где-то засветило. Для этого Господу Богу нужно создать новую Вселенную. В этой места для меня нет. Но в отличие от Лермонтовского демона, который все презирал и ненавидел, — в отчаянном полете над бездной держат меня цепкие руки мертвецов — Отца, Матери, Марины⁵.

---

⁵ Цветаева, которой В. Блаженный посвятил множество своих стихотворений. В письме Г. Корину от 29 октября 1980 В. Блаженный писал: «Я много пишу о Цветаевой — по праву родства».

И — порою презирая и ненавидя, — я все же люблю людей, ссорюсь с ними, бесконечно к ним взываю, болею собой и ими — недаром в моей поэзии так много слез...

...Я, наконец, дождался ответа от Н. В. Панченко. Письмо необыкновенное, словно каким-то факелом осветил он самое тайное в моей душе, указал мне место в людском космосе.

Я благодарен Николаю Васильевичу за участие в попытке меня издать. Спасибо Евг. Евтушенко, если через год, ко дню выхода «Дня поэзии», он обо мне не забудет. Кстати, я долго не знал, чью строчку поставил эпиграфом к стихотворению «Матери от нас уходят к Богу...». Думал, что это Слуцкий, но не был уверен твердо, теперь удостоверился (случайно раскрыл двухтомник), что это строчка Евтушенко («Уходят матери от нас...»).

Спасибо Арсению Александровичу за память и заботу обо мне — за письмо к Д. Павлычко, замечательному поэту, мастеру сонета.

Что касается Вас, Григорий Александрович, Григорий, Гриша, — слова тут не нужны; мы — братья по духу.

8. Григорий Корин — Вениамину Айзенштадту, 27 декабря 1981.

Первые 200 стихотворений я отдал на перепечатку, из них 50 могут войти в совписовскую рукопись, о которой мы вновь говорили с Панченко.

9. Григорий Корин — Вениамину Айзенштадту, 26 января 1982.

...вся редколлегия «Дня поэзии» высоко оценила Ваши стихи. Они сданы издательству. Но, имея много лет дело с издателями, я до последнего дня, пока не выйдет публикация, до конца не верю в то, что она выйдет, а в случае с Вами у меня два опасения. Во-первых, потому, что это московский «День поэзии» и печатаются в нем москвичи, а во-вторых, Вашу подлинную фамилию я до сих пор скрываю, опять же из опасения, что это может повредить. ... на следующей неделе машинистка даст предпоследнюю порцию перепечатки и тогда я примусь за составление книги для «Советского писателя»; а Ирина⁶ вместе со мной — за Вашу независимую (от издательств) книгу.

10. Николай Панченко — Вениамину Айзенштадту, 28 января 1982 (по шт.)

Спасибо за стихи и письмо. Я уже болел, когда получил их. И все надеялся поправиться и тогда (уже будучи здоровым) ответить: здоровый и воспринимает точнее, и мысли его плотнее сходятся. Но вот никак не могу выздороветь вовсе. Болезнь у меня — пустяковая, видимо, затяжная и малопочтенная (осложнения после двух кряду гриппов — урология). Плохо, когда прыгает температура. А в таком состоянии говорить о стихах обидно: неточно может получиться. И здоровый-то не всегда точен.

Пишу эту записку, чтобы Вы не держали всяких сомнений относительно моего молчания. Вот приду в себя — и напишу подробно. И про стихи Ваши. И про все, что при них придет в голову.

⁶ Ирина Леонидовна Гилярова, искусствовед, вторая жена Григория Корина.

Я их показывал кое-кому из талантливых молодых. Очень им пришлось Ваши стихи. Так что не думайте, что Вы одиноки, что голос Ваш без человеческого эха. Если не возражаете, эти люди (Ваши читатели, которых Вы не знаете еще) Вам напишут.

В последнем «Дне поэзии» очень хорошие стихи Г. Корина. Он человек добрейший и большого, все более и более высветляющегося таланта. Он Вас любит глубоко и преданно. Есть надежда, что в следующем «Дне поэзии» будут Ваши стихи. Присылайте, если не трудно, новые (для нас — новые) стихи.

11. Вениамин Айзенштадт — Николаю Панченко, 10 февраля 1982.

Спасибо за письмо. Оно пришло во-время: на душе такая тоска, «хоть плюнуть да бежать», да вот бежать-то некуда.

Желаю Вам скорейшего выздоровления; я сам человек больной и знаю, как в старости тяжело бороться с недугами. Да и стихи, конечно, лучше воспринимать «по-здоровому»; они ведь и сами по себе инфекция.

Роль Г. А. Корина в моей судьбе по представлениям житейским, жестким — необъяснима: он приехал ко мне, будучи сам человеком не отменного здоровья, единственно ради меня.

Распрашивал его о Вас, он дал Вам высокую оценку как человеку и как поэту. Хорошо, что у нас с Вами налаживается переписка, и дай Бог, чтобы она не заглохла; ибо бывало и так, что поэты, дав мне высокую оценку, поворачивались затем спиной.⁷

Если кто-то из молодых и талантливых собирается мне написать, пусть пишет, мне это только во благо в моем одиночестве. Найти бы только общий язык. Хотя и будет мне трудно отвечать, — трудно потому, что я и со старшими современниками и одногодками говорил на разных языках. Но вот нашел же я отклик в душах чем-то родственных мне поэтов — Вас, А. А. Тарковского, Г. А. Корина! Впрочем, я мало что знаю о современной молодежи, возможно, кое-чему придется подучиться мне. Лишь бы слова, обращенные нами друг к другу, были живыми, искренними, подлинными.

Меня никто не учил писать стихи; я и теперь не могу отличить ямба от хорея, но не по-онегински, не по аристократической лени, а потому что окружавшие меня люди иногда только виртуозно ругались в рифму.

Все, чего я добился в поэзии, подсказала мне душа, та самая, «так называемая душа» (Асеев), которую в свое время упразднили даже поэты. Но душа моя (существо, как известно, женского рода) оказалась по-женски живучей, пытливей, и даже завела сомнительное знакомство с дьяволом. Последние годы я, кажется, только и занимаюсь тем, что изгоняю из себя в стихах бесов.

...Я все время мечтаю увидеться с Вами, с А. А. Тарковским, со всеми, кто полюбил мою поэзию. Может быть, это и удастся, если позволят здоровье и обстоятельства⁸.

---

⁷ В копии письма из архива в РГАЛИ, переписанной рукой автора, строки зачеркнуты. Не имея сведений, сохранены ли они в оригинале письма, здесь мы решили их сохранить.

⁸ Такая встреча состоялась в 1983 году в Москве.

12. Нил Гилевич⁹ – Арсению Тарковскому, 4 апреля 1982.

Спасибо за письмо¹⁰ — за внимание к несомненному и очень своеобразному поэтическому таланту. То, что случилось в издательстве (вторая — отрицательная — рецензия на рукопись Вениамина Михайловича Айзенштадта), — это, конечно, печально, если не сказать хуже.

Я познакомился с рукописью, потом пригласил в Союз и побеседовал с автором. У него прекрасных стихотворений гораздо больше, чем в рукописи (кое-что он прочитал нам, на беседе присутствовал и наш секретарь по поэзии Василь Зуёнок, которого я тоже попросил прочесть рукопись). Три дня назад у нас было объединенное партийное собрание — СП и издательства «Мастацкая літаратура» с повесткой дня: первая книга писателя. В своем выступлении я рассказал об этом прискорбном случае, дал высокую оценку стихам В. М. Айзенштадта и резко покритиковал издателей. Кое-кто из редакторов там, кажется, не на своем месте.

Теперь о деле. Пока пришло Ваше письмо, сдали в печать коллективный сборник нескольких русскоязычных поэтов¹¹, в котором представлен и Айзенштадт — примерно четырьмя десятками стихотворений (1000 строк). Готовил этот сборник А. Дракохруст, он и включил. Лично я не люблю таких общих сборников и я бы этого не делал, но — отступать назад было поздно. Пусть первый выход к людям будет у поэта таким. А насчет следующего выхода мы с ним договорились так. Он подготовит возможно полную рукопись книги и пришлет мне. Я напишу нужную бумагу для издательства, которая сопроводит рукописи, и возьму это дело под контроль, чтобы в ближайшие годы вышло хорошее отдельное издание.

Вот, пожалуй, и всё, что я могу Вам ответить по существу дела. Кстати, о стихах Айзенштадта мне очень хорошо говорил в Киеве Д. Павлычко¹². Да, такую поэзию в обиду давать нельзя!

13. Григорий Корин — Вениамину Айзенштадту, 10 мая 1982 (оправл. 17 мая по шт.)

Из-за того, что болел ангиной прозевал верстку «Дня поэзии», она ушла в типографию, и так и не узнал какие в стихи вошли в сборник...

Только что позвонил мне Тарковский, который встретился в Москве с Гилевичем и Гилевич просил Вас взять псевдоним. Но псевдоним Вам я присвоил без спроса у Вас, когда был у Евтушенко: Вениамин Блаженных. Блаженный в единственном числе, как Вы просили, не пошел (Василий Блаженный). Я думаю, что псевдоним

---

⁹ Нил Семёнович Гилевич (1931–2016) — поэт и общественный деятель. В 1980–1989 годах первый секретарь правления Союза писателей БССР.

¹⁰ Письмо Тарковского Гилевичу нами не обнаружено.

¹¹ Имеется в виду сборник «Добрыми глазами» (Минск: Мастацкая літаратура, 1983. 125 с.). Авторы: И. Пехтерев, А. Покровская, К. Дегтярь, Л. Гукон, В. Айзенштадт, А. Станкевич, Д. Сечко, Г. Банишевская, В. Чекин, А. Черная. *Примечание В. В. Жибуля.*

¹² Дмитрий Васильевич Павлычко, р. 1929, украинский поэт.

выбран удачно: Вениамин всех Блаженных. По-моему, это и есть то, что Вы хотели. Наконец я сообщил Вам то, что забывал каждый раз написать Вам¹³.

14. Григорий Корин — Вениамину Айзенштадту, 12 июня 1982 (по шт.)

Я знаю, что в верстке «Дня поэзии» есть Ваши стихи, но сколько и какие — выясню завтра-послезавтра... Я отобрал в Вашу книгу для Совписа 1 650 стр [ок], но редактор сказал, что этого количества недостаточно. И я добавил еще 1 000 стр. Обо всем договорено официально, рукопись закреплена за Панченко, он — первый рецензент. С ним я обо всем переговорил. Перепечатка рукописи будет закончена к 25 мая, и тут же она поступит к Панченко. Возможно, он не сразу напишет рецензию, а спустя месяца два-три, значения это не имеет, важно, чтобы рецензия была не отрицательная, тогда будем думать о второй рецензии, может быть с ним вместе.

15*. Вениамин Айзенштадт — Григорию Корину, 24 июня 1982.

Мне, в общем-то, нравится новый неожиданный псевдоним, хотя от последнего слога сводит скулы, словно попробовал на вкус волчью ягоду. Но не Вениамина Блаженных вижу я, а юродивого крепкой сибирской породы, — и все дикое и сумрачное мне по душе.

16. Григорий Корин — Вениамину Айзенштадту, 10 июля 1982 (по шт.)

Ваша рукопись у Панченко и он мне высказал определенно положительное отношение к рукописи. Сейчас он ложится в больницу, а по выходу, даст Бог, напишет рецензию. Я не предполагал, что Вы примете с некоторой болезненностью придуманный мною Ваш псевдоним. Я все же думаю, что лучше придумать и нельзя было, памятуя Ваше желание называться «Блаженный». Любое другое производное от него было бы хуже, в том числе и Блаженов. Суть бы исчезла... Признаться я был огорчен этим, ибо псевдоним Вам я долго подыскивал, зная, что без него не обойтись. Арсений Александрович предлагал мне «Михайлова», по имени Вашего отца, но Михайлов, по-моему, ни в какие ворота не лезет.

17*. Вениамин Айзенштадт — Григорию Корину, 21 июля 1982.

Бог с ним, с псевдонимом. Суть в том, что и «Блаженный», собственно, не псевдоним; почти каждое десятое стихотворение у меня или названо «Блаженный» или развивает тему загнанного на задворки жизни добра (такой была и вся моя жизнь). К тому же с юности запали в душу слова Толстого: «Юродство добровольное — лучшая школа добра».

Мне тоже приходил в голову «Михайлов», но «Блаженных» все же лучше, что-то в нем сохранилось от страстотерпца, обугленного грехом и святостью, почти «Блаженный», а «Блаженов» с его лакейским лоском и вовсе не годится.

---

¹³ Этот абзац дописан после основного текста письма.

18. Григорий Корин — Вениамину Айзенштадту, 6 августа 1982 (по шт.).

Панченко до сих пор болен, но Ваша рукопись в надежных руках. «День поэзии» подписан в печать, там два Ваших стихотворения. В последний момент сборник подвергся сокращениям, в него потребовалось включить стихи к 60-летию Советской власти. Но и двум Вашим стихам я бесконечно рад...

19. Григорий Корин — Вениамину Айзенштадту, 21 августа 1982 (по шт.)

Думаю, Вам и не надо сейчас даже пытаться встречаться с редактором коллективного сборника¹⁴. Надо дожидаться верстки, это, должно быть, произойдет скоро.

20. Григорий Корин — Вениамину Айзенштадту, 27 сентября 1982 (по шт.)

Спешу Вас обрадовать. Есть рецензия в «Советском писателе» на Вашу рукопись. Панченко пишет о Вас как о выдающемся советском поэте, о сближении Вашего творчества с есенинским. Он рекомендует к изданию книгу в 3–4 печатных листа. При моем беспамьятстве не могу подробно пересказать Вам конкретное содержание его рецензии. Так же для меня явилось неожиданной радостью и то, что в «Дне поэзии» не 2 Ваших стихотворения, а 3. Думаю, недолго ждать выхода сборника, как только появится, вышло его Вам.

21. Григорий Корин — Вениамину Айзенштадту, 5 ноября 1982.

Вторую рецензию на Вашу рукопись надо ждать не раньше начала 1983 г. За этим я прослежу.

22. Арсений Тарковский — Вениамину Айзенштадту, 1 февраля 1983.

Вот видите — лед тронулся!

Для «Советского писателя» я написал внутреннюю (издательскую) рецензию на Вашу книгу. Как Вы понимаете — ее смысл в том, что Вашу книгу необходимо нужно издать. 1 № Немана я получил. Председатель минского СП говорил мне, что тысячу Ваших строк включают в какой-то коллективный сборник¹⁵.

Я надеюсь, что теперь Вас подымут «нагора» и все будет и для Вас, и для нас — Ваших верных друзей, читателей и почитателей — как нельзя лучше.

23*. Вениамин Айзенштадт — Григорию Корину, 31 декабря 1983.

Дорогой Григорий Александрович! Судьба мне криво улыбнулась однажды и снова — железная маска¹⁶. Впрочем, в глубине души я не верил, что издадут меня сборником в Москве или Минске — инстинкт пасынка судьбы не подвел меня и на сей раз.

¹⁴ Видимо, речь о «Дне Поэзии».

¹⁵ См. письмо 12.

¹⁶ В период между февралем и декабрем 1983 стало окончательно ясно, что подготовленная книга издана в «Советском писателе» не будет.

24*. Вениамин Айзенштадт — Григорию Корину, 24 марта 1984.

Дорогой Григорий Александрович! Я вижу, что для публикации каждого моего стихотворения нужны усилия не меньшие, чем для запуска космического корабля. Поэтому я не хочу больше касаться этой межпланетной проблемы...

25. Вениамин Айзенштадт — Григорию Корину, 30 июля 1986¹⁷.

Каких успехов должен я ожидать, когда и в Москве и в Минске до меня нет никому никакого дела?.. Н. Кислик и А. Дракохруст¹⁸ спешат положить телефонную трубку, когда я им звоню. Не понимаю, что им так ненавистно во мне, но такова правда. (Звонить я им перестал.)

26. Григорий Корин — Вениамину Айзенштадту, 27 августа 1986 (по шт.)

Я попытался связаться в один из своих просветов с Фогельсоном¹⁹, но ничего путного от него не услышал: да, не забыли, но и т. д., обычная волокита. ... Я звонил Панченко, может быть, он поговорит с Фогельсоном, я из дому не выхожу, только около дома и то не каждый день.

27. Григорий Корин — Вениамину Айзенштадту, 30 декабря 1986.

Ваш выход в печать я вижу через письмо в ЦК КПСС Яковлеву²⁰ и директору «Советского писателя». Оно должно исходить от Клавдии Тимофеевны²¹, основываясь на рецензиях Тарковского и Панченко, а также на единственной публикации в «Дне поэзии» с перепечаткой стихотворения в «Огоньке» в крохотной заметке. Можно сослаться и на письма поэтов, с которыми Вы ведете переписку. Без Вашего вмешательства ничего не получится. Это я говорил Вам и раньше. ... Мои попытки сдвинуть дело с мертвой точки не удались, их было немного, но, к сожалению, все это зависит от моего здоровья, а его мало.

В письме надо указать на перемены, происходящие в обществе, на ожидания каждого в связи с этим.

28. Вениамин Блаженный — Александру Кушнеру, 30 января 1987.

Вот краткая история моих «публикаций».

---

¹⁷ Пропуск в три года в настоящей публикации обусловлен позицией руководства РГАЛИ, отказавшегося выдать папку с перепиской Вениамина Айзенштадта за период с 1984 по середину 1986 года, ссылаясь на то, что в одном из писем содержится «личная информация медицинского характера». Просьба разрешить доступ к переписке без этого письма также не была удовлетворена.

¹⁸ Александр Абрамович Дракохруст (1923–2008), белорусский поэт.

¹⁹ Виктор Сергеевич Фогельсон (1933–1994), старший редактор издательства «Советский писатель».

²⁰ Александр Николаевич Яковлев (1923–2005), секретарь ЦК КПСС, курировавший вопросы идеологии и культуры, один из «архитекторов» перестройки.

²¹ Жена Вениамина Айзенштадта.

В 1983 г. поэт Г. Корин отнес в издательство «Советский писатель» мою рукопись, а затем познакомил меня с редактором В. Фогельсоном. Рецензии были написаны А. Тарковским и Н. Панченко²², поэтами достаточно авторитетными, а стихи отобраны по тематике — Детство, Родители, Животные, Море, стихи о поэтах. Но никаких сдвигов с тех пор не произошло, рукопись не обсуждали и не включили в план. В настоящее время только Г. Корин со мною изредка переписывается, но он больной человек и хлопотать за меня не в состоянии.

Попытка издаться в Минске также кончилась неудачей, мне вернули рукопись.

Ходатайствовать за меня некому, сам же я (когда болезнь моя дает мне эту возможность) выхожу из дому на очень короткое время. Жена ИОВ²³ второй группы. ...

Когда-то И. Л. Сельвинский написал мне: «Будь Вы даже гений, я не стал бы ходить с вашими стихами по редакциям». Я тогда подумал, что поэт был в дурном настроении. Теперь я понимаю, что это — норма писательской этики.

Впрочем, изредка меня публикуют, если можно говорить об этом всерьез, — за последние два года — три коротких стихотворения в местной печати. В 1982 г. была публикация в московском «Дне поэзии» (Вен. Блаженных).

Вы — один из немногих, кто видит во мне человека и поэта.

29. Григорий Корин — Вениамину Айзенштадту, 27 февраля 1987.

Насколько мне известно из разговора с Чухонцевым²⁴, в «Новом мире» возможность Вашей публикации реальна, но надо опять-таки ждать. Лена²⁵ крепко следит за этим. Портфель журнала переполнен. Я показывал Ваши стихи сотруднику «Огонька», напомнив ему о рецензии на «День поэзии», в котором Вы печатались. Я воспользовался моментом, когда делалась статья о Тарковском в Переделкино. Так попали Ваши стихи в «Огонек». Будем ждать.

Зря Вы не пишете в «Советский писатель». Требуйте хотя бы рецензии, чтобы они были у Вас, это ведь документы, свидетельства, чтобы обратиться в ЦК.

30*. Вениамин Айзенштадт — Елене Макаровой, 1 марта 1987.

Я, конечно, благодарен Вам и О. Чухонцеву за внушенные мне надежды, но из всех известных мне нравственных попыток пытка надеждой — самая тяжелая. Надеюсь, Вы поймете меня, пережившего крушение надежд на издание сборника в Минске и пребывающего в горьком недоумении, что же решится в Москве. И все же в какой-то мере душа моя взбодрилась, ваша молодая энергия что-то расшевелила в ее застойной глубине.

---

²² Рецензии в архиве издательства «Советский Писатель» не обнаружены.

²³ Инвалид Отечественной Войны.

²⁴ Олег Григорьевич Чухонцев, р. 1938, поэт, в то время — заведующий отделом поэзии журнала «Новый мир».

²⁵ Елена Макарова, р. 1951, писатель, дочь Григория Корина, см. далее письма Айзенштадта к ней.

31. Вениамин Айзенштадт — Григорию Корину, 18 марта 1987.

Вы советуете мне забрать в Совписе рецензии на мою рукопись. У меня есть возражения. Во-первых, внутренние рецензии, насколько мне известно, на руки авторам не выдаются; во-вторых, забрать рецензии — похоронить все надежды на издание сборника и, наконец, что бы я стал делать с этими рецензиями? В Минске они никого не убедят, ведь даже письмо А. Тарковского Н. Гилевичу²⁶ не внесло никаких изменений в мое положение, а добиваться признания через Москву с помощью К[лавдии] Т[имофеевны] ... — простите, но Вы сами знаете, что это, применяя ваше выражение, «пустой номер». Без меня хватает поэтов с медными лбами, а то, что я, может быть, талантливее других, это надо еще разглядеть и, что еще труднее, в это поверить.

Все в моей жизни сложилось так, чтобы я был похоронен заживо, и еще в сороковые годы я писал:

И знак загубленного, как
Печать от краски несводимой,
Как смерти вдавненный пятак,
Горит на лбу моем незримо.

Даже те, кто признавал мой поэтический талант, спешили по каким-то причинам от меня поскорее отделаться; видимо, я попал не в свое время. Собственно, теме изгоя посвящены все мои стихи.

Я бесконечно благодарен Вам и Лене за хлопоты обо мне. Вы делаете святое дело — спасаете человека, спасаете поэта, его поэтическую судьбу.

32. Ф. Жичка²⁷, 9 июля 1987.

Заключение на рукопись сборника стихов «И день и вечер» Вениамина Айзенштадта.

Это — очень грамотные, сделанные по всем правилам стихотворения. Автор мыслит образно, умеет искусно передать читателю свое настроение, свои мысли и чувства, настроить его на определенную эмоциональную волну. Но в целом сборник не впечатляет. Если первые разделы: «Детство», «Мать», «Отец» уже самими названиями ограничили тематику семейным кругом, то следующие разделы внешне тематику как бы расширяют, но автор уже исчерпал все свои ресурсы изобразительных средств, начинает повторяться, перепевать самого себя. Не украшают сборник и произведения, написанные на литературные темы (раздел «Поэты»), — они еще дальше отодвигают читателя от нашего времени, чувства которого в сборнике и так маловато.

Несмотря на эти недостатки, сборник заслуживает внимания, есть смысл работать с автором. Рекомендую сборник стихов В. Айзенштадта «И день и вечер» на рецензию.

---

²⁶ См. об этом письмо 12.

²⁷ Старший редактор издательства «Мастацкая літаратура».

33. Вениамин Айзенштадт — Елене Макаровой, 27 августа 1987.

Р. С. Издательство «Мастацкая літаратура» вторично вернуло мне рукописный сборник. Оценка рецензента (С. Гаврусев): «кошунственная дребедень», «благоглупости», «церковная галиматья», «безграмотные стишата», «примитивное сознание» и пр.²⁸ Я мог бы написать, что пребываю в отчаянье, но это отчаянье длится уже полвека. В Минске обо мне некому сказать двух добрых слов.

34. Наум Кислик — Вениамину Айзенштадту, 1 октября 1987.

Посылаю Вам обещанный экземпляр письма²⁹. С тем, что послали адресату, здесь имеются небольшие стилистические расхождения. Смысла и даже общего стиля они не меняют. Реакции на письмо пока нет. Будем ждать.

К числу неприятных новостей относится следующее событие. На полиграфкомбинате случился, говорят, некий производственный сбой. В связи с этим на год или больше отодвигаются книги, уже подготовленные к печати. Это усугубляет, даже при положительной реакции на наше письмо, трудности Вашей рукописи. Как говорится, бедному жениться — ночь коротка. Но не будем отчаиваться.

Обязательно добейтесь ясности с судьбой Вашей рукописи в Москве.

35. Николай Панченко — Вениамину Айзенштадту, 12 ноября 1987.

Простите, что отвечаю через месяц. Письмо Ваше получил в день (вернее — вечер) отъезда из Москвы. И вот только вернулся. Самая большая моя издательская мечта — «пробить» две книги стихов: Вашу и Марка Рихтермана³⁰. И все, что в моих силах, я делаю для этого и буду делать. К сожалению, силы мои невелики, но если не отступать, то и малые силы — реальность. На это надежда, и, конечно, на время, которое меняется, хотя и не так быстро, как хотелось бы. И все-таки... И все-таки...

В план выпуска Вы пока не попали. Но это и несущественно, если сможем пробить авансовый договор. Тогда через год-полтора книга будет если не на прилавке, то в производстве.

Вооружите меня для этого предприятия самыми разными сведениями о себе: чем и с каких пор больны, всё об инвалидности (размер пенсии), жилищные условия и т. п. Где печатались. Кто из поэтов знает и поддерживает (знал и поддерживал) Ваши стихи.

Вы прекрасный большой поэт — истинный! — и в этом Ваша беда. Вам трудно вписаться в процесс и, как это ни мучительно, это, увы, закономерно. Иначе быть не могло. Этот крест Вы несете, потому что он Ваш, а другим не под силу, и они, хоть и сльвут поэтами, не могут — и никогда не смогут! — понять Вас. Бог с ними.

---

²⁸ Рецензию С. Гаврусева и реакцию на нее В. Айзенштадта см. выше.

²⁹ В редакцию «Мастацкая літаратура», в котором в основном пересказывается ответ Айзенштадта на рецензию С. Гаврусева. Подписано Н. Кисликом, А. Дракохрустом и В. Тарасом.

³⁰ Марк Рихтерман (1942–1980), поэт, один из учеников Арс. Тарковского. Его первая книга «На чудной земле» была издана в 1992 году.

Вас надо «встретить» с Вашим читателем, показать Вас ему, и он узнает Вас и станет от этого больше и лучше.

Это мы и пытаемся сделать — и я, и Годик Корин (он не забыл Вас), и не только мы. Не теряйте вместе с нами надежды, не отчаивайтесь, не впадайте в уныние. И ради Бога, не играйте с дьяволом: его не переиграешь. А уж он вряд ли желает Вам добра.

36. Вениамин Айзенштадт — Николаю Панченко, 27 ноября 1987.

Отчаяние давно уже стало моим рабочим состоянием, оно активно; это отчаяние собаки, ищущей следы хозяина, — но я к тому же всего лишь обыкновенный человек, и по-человечески благодарен Вам за ваше сочувствие.

Я никогда не забуду нашей встречи в 1983 г., всемудрость Виктора Борисовича³¹, доброту Варвары Викторовны; я знаю, что Вы — незримо для меня — откуда-то следите с тревогой побратима за моей дорогой. ...

...Отвечаю Вам на ваши «разные» вопросы. Я родился в 1921 г. в семье рабочего. До войны окончил школу-восьмилетку и один курс педучилища. В эвакуации работал учителем неполной школы. В 1946 г. приехал в Минск, был трудоустроен комиссией ВТЭК. Долгое время работал в мастерской артели инвалидов. С 1981 г. получаю пенсию по старости — 97 р. жена — ИОВ 2 гр.

У меня всего семь публикаций.

37. Леонид Дранько-Майсюк³², 6 января 1988.

Заключение на сборник стихов «И день и вечер» Вениамина Айзенштадта³³.

В. Айзенштадт — поэт мандельштамовского звучания, но более нежного взгляда на мир. В стихах о детстве это хорошо проиллюстрировано. Детство — тема классическая, требующая всей души поэта и надо сказать, что автор рукописи в этом случае оказался верен своему «я»...

Чувствуется, что тема детства во многом «мировоззренческая» для поэта, ибо она предстает в самых различных вариациях. ...

Много в рукописи стихов о матери. Они составляют целый обширный цикл...

Естественно для В. Айзенштадта — человека немолодого и поэта не только сильно чувствующего, но и предчувствующего — тема ухода. Она решается, может быть, чуточку отстраненно, но образно и психологически мотивированно. ...

В стихах о любви чувствуется определенная расхожесть, стереотипность, но по исполнению стихи не вызывают упреков. В этом отношении более уязвимы стихи о поэзии и поэтах, ибо среди них встречаются целые строфы, явно надуманные и беспардонно-игривые...

По этой же причине следует из рукописи исключить стихи «Целую девушку так долго», «Женщин нежные имена», «Деревьев сумрачное вече» (это стихотворение будто бы писалось на готовые рифмы), «Такой актер сошел со сцены».

Рукопись необходимо издавать.

³¹ Шкловского и — далее — его дочери, Шкловской-Корди, жены Николая Панченко.

³² Леонид Васильевич Дранько-Майсюк, р. 1957, белорусский поэт.

³³ В сокращении; в частности, опущены все цитаты из стихов.

38. Вениамин Айзенштадт — Николаю Панченко, 12 февраля 1988.

Спасибо за участие в моей поэтической судьбе, за отвоёванное Вами право на издание моего сборника в 1990 г.³⁴ (Мне позвонил Г. А. Корин.)

Жизнь научила меня не доверять надеждам. Стоит лишь забрезжить какой-либо удаче, тотчас в судьбу вмешиваются недобрые силы. Все же будем надеяться, что на сей раз судьба меня пощадит, — ведь если сборник издадут, то издадут как бы посмертно, — столько мне будет лет!

Основную часть сборника, лежащую у В. Фогельсона с 1983 г., очевидно, нужно дополнить. Прошу Вас распоряжаться имеющимися у Вас стихами по своему усмотрению, верю вашему выбору. Если потребуются деньги на перепечатку, я вышлю их по первому требованию.

Какую-то часть стихов последних лет постарается перепечатать Клавдия Тимофеевна и, когда это будет сделано, я Вам их перешлю.

Я перед Вами в вечном долгу, мой далекий близкий друг!.. Вы столько для меня сделали...

И последнее — хотелось бы, чтобы имя поэта звучало «Вениамин Блаженный»³⁵. Житейские беды Айзенштадта — явление заурадное, бытовое. «Блаженный» — горнило, очищение от мук в светлом пламени веры. Для меня «Блаженный» не псевдоним — символ.

Посылая Вам новые стихи, испытываю чувство страха. Может быть, я настолько одичал в своем одиночестве, что стал писать чушь. Но ведь я всегда писал не по-людски.

39. Григорий Корин — Вениамину Айзенштадту, 21 февраля 1988 (по шт.)

Я давно не получал Ваших писем, наконец получил. Я, несмотря на то что письмо Ваше весьма печальное, не принял его с превеликим огорчением — со мной была радость за Вас, которую я долго ждал и дождался.

Конечно, заслуга в этом не моя, а Николая Панченко, он выступил на редколлегии с убедительными аргументами в защиту Вашей поэзии, он ссылаясь на такие авторитеты, как Тарковский, Антокольский и еще целый ряд поэтов, ценивших Ваше творчество. Конечно, все время перед редколlegией мы с Панченко перезванивались и он точно выбрал тактику. Вы включены в план 1990 г., нынешней осенью план должен утвердить Большой Союз, но это формальность. Книгу будет составлять Панченко и редактировать тоже, я ему помогу, так мы договорились. Объем ее можно будет довести до 5 листов (сейчас 3,5 л.).

---

³⁴ Протокол заседания редколлегии «Советского Писателя» с пунктом об утверждении сборника нами не обнаружен.

³⁵ Это пожелание не было выполнено, на обложке сборника «Возвращение к душе» стоит псевдоним, придуманный еще Григорием Коринным для публикации в «Дне поэзии-82»: Вениамин Блаженный.

40. Вениамин Айзенштадт — Григорию Корину, 13 марта 1988.

Я никогда не забуду Вашего звящего от радости голоса, когда Вы сообщили мне по телефону хорошую весть. В наше время, когда поэты недоброежелательны друг к другу, Вы — человек исключительный, добрый человек, а добрый человек — это уже поэт. ...

Я звонил Николаю Васильевичу Панченко, он был болен и я говорил с Варварой Викторовной. Таким родным и добрым повеяло от разговора, словно встречаемся мы ежедневно и продолжили начатую беседу.

41. Вениамин Айзенштадт — Елене Макаровой, 19 марта 1988.

Я отношусь к перспективам издания моего сборника с тем же искренним недоверием, с каким отнесся пресловутой неудачник древности к предложению своего друга, посветовавшего ему заняться изготовлением шляп. «Если я начну делать шляпы, — сказал он, — люди начнут рождаться без голов...»³⁶. Тем не менее моя темничная участь исповедует и другой девиз: «Ждать и надеяться!»

42. Григорий Корин — Вениамину Айзенштадту, 4 мая 1988 (по шт.)

Я несколько раз разговаривал с Панченко, был у него дома. Он очень ратует за Вас. Перед маем было еще одно совещание³⁷ по плану 1990 г. Вы — на месте. Или время стало более тяжелым, или мы более ранимыми и больными, но каждая малость дается с большим трудом там, где, казалось бы, все должно было решаться довольно просто.

43. Вениамин Айзенштадт — Григорию Корину, 22 мая 1988.

Удивляться безразличному отношению ко мне в Минске не приходится, если учесть, что консерваторы в Белоруссии до сих пор не признают даже признанного всем миром Шагала. ...

Н. З. Кислик и еще двое поэтов написали в издательство «Мастацкая літэратура» письмо, где взяли меня под защиту от нападок С. Гаврусева (кстати, мой зоил недавно скончался), но решающую роль в моей литературной судьбе вряд ли оно сыграет.

44. Григорий Корин — Вениамину Айзенштадту, 3 сентября 1988 (по шт.)

На днях приезжает Панченко, я свяжусь с ним по поводу Вашей книги. К сожалению, не вернулся еще из отпуска Числов и ждут нового директора (после вора Еременко)³⁸. Я надеюсь, с Вашей книгой все будет в порядке, если не надеяться, то жить трудно.

---

³⁶ Известна турецкая поговорка, где вместо шляп — фески (национальный головной убор).

³⁷ Протокол этого совещания также не обнаружен.

³⁸ Речь, очевидно, о сотрудниках издательства «Советский писатель».

45. Вениамин Айзенштадт — Григорию Корину, 28 сентября 1988.

... Публикация в «Новом мире»³⁹ — горькая радость. Разве могут дать представление о поэте четыре стихотворения? Это как если бы выпустить на сцену скрипача... на десять минут. За десять минут можно только настроить инструмент и поправить манжеты. Тем не менее спасибо всем, кто принял участие в публикации⁴⁰. Я понимаю, что непросто было добиться появления на страницах такого престижного журнала никому неизвестного гражданина.

46. Вениамин Айзенштадт — Евдокии Ольшанской⁴¹, 10 октября 1988.

Публикация в «Новом мире» — и радость, и горечь. Ведь это всего лишь капля в море. Поэтические дельцы издают и переиздают свои «шедевры», а я по-прежнему под замком. В журнале «Неман» мои стихи лежат уже более двух лет⁴², но с публикацией никто не торопится, а «толкачей» у меня нет.

47. Вениамин Айзенштадт — Елене Макаровой, 25 октября 1988.

Публикация в «Новом мире» не потрясла надо мною каменных сводов и прошла в Минске незамеченной. Правда, поздравили Н. Кислик и А. Дракохруст — и поздравили искренне. Но телефонный разговор не утоляет жажды общения — и я по-прежнему одинок.

Третий стих (любимый Вами) у меня читается по-другому, чем в журнале. Он начат вздохом: «Боже, как хочется жить...» («О, как мне хочется жить» — начало декларативное, чуждое мне, к тому же напоминающее блоковское: «О, я хочу безумно жить...»). Есть существенные изменения и в последующих трех строфах. Теперь это стихотворение и мое и не мое, словно бы по моде подстригли бедняжку-пуделя. Но не потревожена ни одна строчка в четвертом стихотворении — за что и благодарю моих неизвестных редакторов!..

48. Вениамин Айзенштадт — Александру Радковскому⁴³, 9 декабря 1988.

«Новый мир» в 9-ом номере напечатал мои стихи (одно из стихотворений с искажениями), но я по-прежнему одинок и никто мне не пишет, даже те, с кем в 83 г. познакомился в Москве и кто сочувствовал моей судьбе (Липкин, Лиснянская и др.). Видимо, я неприемлем ни для какой категории поэтов.

---

³⁹ См. «Новый мир», №9, 1988. Авторство обозначено как Вениамин Блаженный.

⁴⁰ См. письмо 28.

⁴¹ Евдокия Мироновна Ольшанская (1929–2003), поэт, литературовед.

⁴² Ближайшая после этого письма публикация в «Немане» состоялась в сентябрьском номере 1989 года под собственной фамилией.

⁴³ Александр Николаевич Радковский (1943–2021), поэт, один из учеников Арс. Тарковского.

49. Вениамин Айзенштадт — Елене Игнатовой⁴⁴, 6 января 1989.

Публикация в «Новом мире», вопреки моим робким надеждам, не разрушила стены молчания, никто мне не пишет, не отвечают даже те, кому я пишу. Видимо, необычный лик моей поэзии внушает читательской публике некое отвращение, нужны иные поэты, с ерническим вывертом, с размазанными харями — на салонный ли, на кабацкий манер. В новомирской публикации я, кстати, никакого участия не принимал, чья-то добрая душа сделала дело почти немислимое.

50. Вениамин Айзенштадт — Евдокии Ольшанской, 16 октября 1989.

Вы спрашиваете, как обстоят дела со сборником. Могу ответить несколько неожиданной фразой: «А я откуда знаю?» В сентябре м [еся] це мне прислали издательский договор и я его подписал. Что дальше — мне неизвестно.

51. Вениамин Айзенштадт — Григорию Корину, 24 января 1990.

Я очень благодарен Лене за осуществление публикации и за предисловие. Стихи выбраны самые-самые мои и редакция «Даугавь»⁴⁵ очень бережно отнеслась к тексту. (По ее просьбе я заменил всего лишь одну строчку.)

Я не надеюсь, что мой голос будет услышан в хоре Парщиковых и Приговых, но, может быть, когда-нибудь читатель с незамутненным взором увидит эти стихи.

52. Григорий Корин — Вениамину Айзенштадту, 11 февраля 1990.

«Даугава» дала Вас лучше «Нового мира». В этой подборке видны Ваша стезя, путь. А выйдет книга, тогда уже весь мир Айзенштадтовский заблещет с разных сторон.

53. Вениамин Айзенштадт — Евдокии Ольшанской, 15 февраля 1990.

Вы спрашиваете, когда выйдет московский сборник. Но я об этом знаю меньше других. Г. Корин полагает, что выйдет осенью. Я даже не знаю, какие стихи войдут в сборник. Все сделано усилиями Н. Панченко — и я ему навсегда благодарен, всецело полагаясь на его участие и выбор.

54. Вениамин Айзенштадт — Григорию Корину, 1 марта 1990.

Боюсь, что Вы принимаете желаемое за действительность: я по-прежнему одинок и никому не нужен, и тут не помогут никакие публикации. Как и следовало ожидать, в Минске публикация в «Даугаве» прошла совершенно бесследно: никто мне не позвонил, никто не поздравил, а ведь в Минске не так уж мало поэтов, пишущих на русском языке, хотя и проводится усиленная белорусизация.

Нужен какой-то сдвиг в читательском сознании, прочно утрамбованном годами лжи, чтобы стал понятен мой язык — для многих почти нечленораздельный.

---

⁴⁴ Елена Алексеевна Игнатова, р. 1947, поэт.

⁴⁵ См. «Даугава», № 12, 1989, с. 71–76. Публикация под собственной фамилией, подготовлена Е. Макаровой.

Не надеюсь я и на то, что откроет меня как поэта предполагаемый совписовский сборник. Нет, был я изгоем в жизни — буду вечным изгоем и в поэзии.

55. Вениамин Айзенштадт — Елене Макаровой, 11 марта 1990.

Распоряжайтесь моими стихами как Вам угодно, могу сказать о них словами асевского Семена Проссакова: «Я вам больше не начальник, кто куда хотишь иди». ...

P. S. Спасибо Вам за последний подвиг дружбы⁴⁶ — публикацию в «Даугаве».

56. Вениамин Айзенштадт — В. П. Смирнову⁴⁷, 17 марта 1990.

На моем пасмурном литературном горизонте что-то забрезжило. Издательство «Мастацкая літэратура» выпустило мой первый сборник⁴⁸. (Рукопись пролежала восемь лет.) Все это для меня совершенно неожиданно, но самого сборника я еще пока не видел. Да и нет в нем самых заветных моих стихов.

57. Вениамин Айзенштадт — Елене Игнатовой, 23 марта 1990.

Книжечка моя даст обо мне весьма скудное представление. Стихи отбирался давно, в недобрые времена. Но я послал бы ее Вам, будь у меня на руках авторские экземпляры. Пока их нет, должны быть в апреле.

58. Вениамин Айзенштадт — Евдокии Ольшанской, 10 апреля 1990.

История «псевдонима» такова.

С 1941 г. я подписываю свои стихи «Вениамин Блаженный». (Да и озаглавлено «Блаженный» у меня не менее ста стихов.) Это не столько псевдоним, сколько условие бытия: в эпоху всеобщего зла открыто советовать мог только сумасшедший, юродивый, блаженный. Да и Господь-Бог меня не пощадил: жизнь была настолько фантастически никчемной (бесконечная нищета, бесконечное унижение), что я все чаще ощущал себя изгоем, юродивым, блаженным. (Впоследствии — шутовской венец обитателя дурдома.)

В 1982 г. Н. Панченко и Г. Корин отнесли мои стихи в московский «День поэзии». Надо думать, что поэт с фамилией Айзенштадт был бы не лучшим сюрпризом для редколлегии. Но и Блаженный не годился ввиду конкуренции с историческим собором. Г. Корин неуклюже превратил Блаженный в Блаженных — вот и вся история с псевдонимом. Я не возражал — мне вообще не верилось, что стихи мои когда-либо появятся в печати.

Рукопись «Слуха сердца» пролежала в редакции лет семь-восемь. Стихи отбирал поэт Н. Кислик по принципу: «Не будем дразнить гусей». Считаю сборник своим в той же мере, как признал бы своими короткие школьные штанишки — и мои и не мои. Благо, что сумел я дополнить рукопись «Мельницей», «Михальцем», «Гоголем» несколькими другими дорогами для меня стихами. Но зато фамилия автора возражений не вызывала.

⁴⁶ Елена Макарова эмигрировала в Израиль в 1990 году.

⁴⁷ Адресат не расшифрован.

⁴⁸ Вениамин Айзенштадт. Слух сердца. Минск, 1990. 134 с.

59. Вениамин Айзенштадт — Александру Радковскому, 4 мая 1990.

Журнал «Звезда» (№ 4) опубликовал небольшую подборку моих стихов. Это заслуга А. С. Кушнера, который предложил редакции десять стихотворений. (Отобрано было пять.) Хорошо, что корявое «Блаженных» обрело первоначально-чистое значение «Блаженный».

Я разослал свой худосочный сборник некоторым поэтам, но пока на него откликнулись только Вы и Евдокия Мироновна. ... От Н. В. Панченко никаких вестей (Разумеется, я и ему выслал сборник.)

60. Григорий Корин — Вениамину Айзенштадту, телеграмма 10 мая 1990.

Поздравляем вас выходом книги неожиданной для нас радуемся ждем нетерпением следующей вашей Корины

61. Вениамин Айзенштадт — Евдокии Ольшанской, 12 мая 1990.

Я получил несколько отзывов на сборник, они благожелательны, но неоправданно оптимистичны: адресаты живописуют появление моих последующих сборников. Но кто же собирается их издавать?.. (Благо, если издаст в этом году «Советский писатель».) ... Радужных перспектив для себя не вижу, журнальные мои публикации — счастливая случайность, не больше; в литературе я по-прежнему изгой.

62. Григорий Корин — Вениамину Айзенштадту, телеграмма 1 июня 1990.

Книга в Советском писателе подписана печати сердечно поздравляем Корины

63. Вениамин Айзенштадт — Григорию Корину, 7 июня 1990.

Вряд ли следует говорить серьезно о моем минском сборнике. Рукопись около восьми лет пролежала в издательстве, стихи отбирались почти без моего участия, по принципу «не дразнить гусей». Будь моя воля, я бы на три четверти заменил их другими стихами. Тем более, что гуси в последнее время имитируют белых лебедей.

Вы пишете, что сборник был для Вас неожиданностью. Но он был неожиданностью и для меня. Я не бывал в издательстве (по вполне понятным причинам) и никому не звонил. Просто рукопись занялся добрый человек (Л. Дранько-Майсюк) и это решило дело. Возможно, способствовали Н. Кислик и А. Дракохруст, но они это сделали втайне от меня.

64. Григорий Корин — Вениамину Айзенштадту, 13 июня 1990 (по шт.)

Книгу Вашу в главном составил, остается щепетильное для меня, в некоторых случаях, чтобы уменьшить ее гнёт, в нескольких стихотворениях сократить по одной-две строфы, кое-где усилить рифму, все это минимально, но если этого не сделать, можно натолкнуться на отпор, время сейчас очень тяжелое, буквально на днях меня пропесочила «Правда» не называя моей фамилии. Без Вашего согласия я не могу пойти ни на какие шаги, предпринимаемые с единственным желанием не загубить дело⁴⁹.

---

⁴⁹ Ответа на это письмо со стороны Айзенштадта, судя по имеющимся материалам, не было.

65. Вениамин Айзенштадт — Евдокии Ольшанской, 13 ноября 1990.

Я до сих пор пребываю в неведении, какие стихи вошли в сборник⁵⁰, их отбирал Н. В. Панченко. Это его многими усилиями все сделано, да воздаст ему Бог за подвиг добросердечия.

66. Григорий Корин — Вениамину Айзенштадту, 6 / д

С большой радостью раскрыл Вашу книгу. Наконец-то! Восемь лет прошло с тех пор, как я сдал ее в издательство в большой канцелярской папке. Теперь слава Богу! Это Ваша книга, это Вы, в отличие от прежних публикаций. Панченко очень хорошо составил ее в последний момент, когда я подослал ему еще сотню Ваших стихотворений. Многие из них вошли в книгу. И предисловие его очень хорошее. Настало Ваше время, вернее, время Ваших стихов. Жаль, что до этого не дожил Арсений Александрович. Это ведь он сказал мне о Вас и просил написать Вам. С него все и началось. Книга полностью определяет Ваше лицо поэта. Все, что будет позже опубликовано, станет окружением этой книги, будет раздвигать ее пределы, и Вы появитесь в полный рост. Спасибо Вам за теплые посвящения мне.

67. Вениамин Айзенштадт — Евдокии Ольшанской, 16 декабря 1990.

Высылаю Вам московский сборник. Не все меня в нем радует: и восемь опечаток, и произвольные изменения в тексте, — все это отравило мое восприятие долгожданной книги. (Почему-то мне не были присланы для прочтения гранки.)

68. Вениамин Айзенштадт — Григорию Корину, 9 января 1991.

Вы понимаете, что все мои мысли теперь вертятся вокруг вышедшего сборника.

Я знаю, что даренному коню в зубы не смотрят, но «поправки» в тексте меня огорчили до боли — настолько они противопоставлены духу моей поэзии, настолько изменили таинство первоначального текста. Чувствую себя кошкой, к хвосту которой привязали консервную банку — зачем, почему?..

А ведь так просто было прислать мне гранки, и я бы во всем разобрался.

Надеюсь, Николай Васильевич и Вы поймете меня и не сочтете неблагоприятным — вы сами поэты, вы должны понять мое огорчение.

К тому же еще дюжина опечаток (на такую небольшую книжку), каждая из которых — как по дьявольскому заказу — делает стихотворение и беспомощным и абсурдным. («...Юдольных муз всемирное тавро», «Большие сосны «воздуха»», «Чтоб смердел Сатана, чтобы имя светилось его...» и др.)

Увы, как всегда в моей жизни, и здесь меня не минул позор...

И все же низкий поклон Вам и Николаю Васильевичу за этот сборник⁵¹.

⁵⁰ Вениамин Блаженных. Возвращение к душе. М.: Советский писатель, 1990. 160 с.

⁵¹ К сожалению, следует констатировать, что поэт при написании этого письма держал камень за пазухой. В тетрадях его стихотворений есть текст, датированный 30 декабря 1990:

Вот и свершилось недоброе дело,
опыт проделан доподлинно-подленький:

Многие мои самые заветные стихи наконец-то увидели свет.

69. Рекомендация (31 января 1991)

Творчество поэта В. М. Айзенштадта знаю достаточно хорошо. В 1982 г. по просьбе издательства «Советский писатель» я рецензировал рукопись его стихотворений, а затем, как член правления этого издательства, рецензировал книгу Айзенштадта (Вениамина Блаженных) «Возвращение к душе». Знаком с рядом его поэтических подборок в «Немане», «Новом мире», «Дне поэзии» и других изданиях.

Айзенштадт — поэт самобытный, он пришел в поэзию со своей темой. И узнаваем даже по одной строчке. В наше время стандартизации это крайне редкое качество. И сохранение его в течение долгой и непростой жизни потребовало от поэта немало личного мужества.

Высоко ценили стихи Айзенштадта Виктор Шкловский и Арсений Тарковский. Впервые об Айзенштадте я услышал еще в 60-х годах от Ильи Сельвинского.

По меньшей мере странно, что этот талантливый поэт-профессионал до сих пор не член Союза писателей. Отнесем этот факт на счет восстановления справедливости.

Николай Панченко (Панченко Николай Васильевич, член СП СССР, членский билет №01293)

70. Вениамин Айзенштадт — Евдокии Ольшанской, 26 марта 1991.

На мой сборник откликнулось всего два-три адресата. (А ведь мы с А. Радковским — во время его приезда — надписали не менее двух десятков книжечек.)

71. Вениамин Айзенштадт — Виктории Добрыниной⁵², 12 июля 1991.

Много лет стихи мои никто не хотел брать в руки. Сборник «Возвращение к душе» вышел, увы, без моего участия. Отсюда и рекордное количество опечаток для такого небольшого сборника и, что еще хуже, бессмысленная отсебятина, которой оснастил сборник «тайный благожелатель» (вина тут не Н. В. Панченко, затесалось другое лицо, но об этом не хочется писать подробно).

72*. Вениамин Айзенштадт — Григорию Корину, 20 мая 1992.

Дорогой Григорий Александрович! Вы преувеличиваете мое место в поэзии. По сути, его никакого и нет, и сомнительно, каким оно будет в будущем — слишком спорный я поэт. Я учился жить лишь в себе и, как пеликан, питался собственной

чья-то рука беспощадно-умело
«Преобразила» стихи в моем сборнике.

Вышел мой сборник — нет мне покоя,
стал я себе самому ненавистен:
Я его автор или же Корин,
мой покровитель, мой враг и завистник?

⁵² Виктория Борисовна Добрынина, р. 1950, поэт, член Союза писателей Украины.

кровью. Читатель, привыкший к тому, чтобы с ним заигрывали и тешили его читательскую похоть (есть и такая), мне этого не простит. А заигрывали многие — и добивались неслыханной популярности (время, быть может, внесет свои коррективы в эту популярность). Так называемая гражданственность по сути была сделкой на низшем базарном уровне.

... В жизни моей было так мало радости и добра, что нечем утешить душу. Даже во сне — проклятая работа, цех, где алкаши и воры столько лет плевали мне в душу.

«Никакая не знала поэзия / Столько грязных бурсацких обид», — писал я когда-то.

Я послал Риталию Заславскому⁵³, сославшемуся на знакомство с Вами, цикл стихов на еврейскую тематику (они у Вас есть). Он обещал мне их публикацию в журнале «ИУ» (Израиль – Украина), однако давно уже из Киева нет вестей. Неизвестен мне и адрес Р. З. — письма мои ушли до востребования. Всего доброго. Ваш В. А.

73. Вениамин Айзенштадт — Николаю Панченко, 27 июля 1993.

Это Вы сказали мне: «Пишите стихи» и назвали одним из лучших современных поэтов.

Но Вы не ответили на отчаянное письмо моей жены, когда я был на краю гибели, Вы не пожелали говорить обо мне ни с Л. Турбиной⁵⁴, ни с А. Радковским, заявив, что у Вас свои неприятности.

Да, я пишу стихи, потому что это мой долг перед Богом, потому что ради этого он послал меня на землю.

Но никто из тех, кто так высоко оценил мой талант (Межиров, Липкин, Кушнер и др.) палец о палец не ударили, чтобы помочь мне печататься, нигде не молвят обо мне доброго слова. Вы были когда-то исключением, хотя московский сборник, отредактированный Вами, — кошмар с шестнадцатью опечатками на полтораста страниц, с внесением чужого текста, разрушающего ткань стиха.

Меня искушает дьявол: уйти из жизни вместе со стихами, сжечь тысячи никому не нужных строк. Теперь дрожат над каждой строчкой ушедших поэтов, а я похоронен живо, я месяцами не вижу человеческого лица, не слышу телефонного звонка, — в Минске я никому не нужен. Мои стихи уже горят — они охвачены пламенем моего житейского смятения.

Неужели и Вы боитесь контакта со мной, Николай Васильевич, былая моя надежда?..

---

⁵³ Риталий Зиновьевич Заславский (1928–2004), поэт. Стихи ВА со вступительным словом Заславского были опубликованы в киевском журнале «Радуга», № 1–2, 1996.

⁵⁴ Любовь Николаевна Турбина, р. 1942, поэт, жила в Белоруссии, с 2001 года в Москве.